

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

БАЙРОНА.

Difficile est proprie communia dicere.

Horatius.

«Dost thou think, because thou art virtuous, thou etc.»

ЦѢСНЯ ПЕРВАЯ.

I.

Герой мнѣ нуженъ. Странно, можетъ быть,
Его искать, когда на бѣломъ свѣтѣ
Мы постоянно можемъ находить
Героя дня, воспѣтаго въ газетѣ,
Который нынче—лаврами покрытъ,
А завтра человечествомъ забытъ;
Въ героя брать такихъ людей не стану,
А прямо перейду я къ Донъ-Жуану.

II.

Вольфъ и Вернонъ и Кэмберландъ-мясникъ,
Принцъ Фердинандъ, Гренбей... въ иные годы

Любой изъ нихъ былъ временно великъ,
 Хоть ихъ потомъ не помнили народы.
 Они съ вѣнкомъ лавровымъ на челѣ,
 Какъ Банко тѣмъ, скользнули по землѣ...
 Былъ Бонапартъ и Дюмурье у галловъ:
 О нихъ трубило множество журналовъ.

III.

Клотцъ, Кондорсе, Маратъ, Дантонъ, Бриссо—
 Рядъ ихъ именъ былъ наياتи достоинъ;
 За тѣмъ — Гошъ, Ланнъ, Жуберъ или Марсо,
 И не одинъ еще извѣстный воинъ
 Въ нынѣ времена былъ знаменитъ
 И, наконецъ, французами забытъ;
 Но не займусь героями я тѣми:
 Они совсѣмъ найдутъ къ моей поэмѣ.

IV.

Для Англiи Нельсонъ былъ богъ войны.
 Но время шло, повсюду козни строя,
 И позабытъ мы были всѣ должны
 И Трафальгаръ, и павшаго героя.
 Мы арміей теперь лишь велики,
 Чего особенно боятся моряки.
 Къ тому же принцъ на сушѣ войскомъ занятъ:
 Нельсона лавръ, того гляди, увянетъ.

V.

Герои войнъ бывали въ старину
 И до временъ... ну, хоть, Агамемнона,
 Но мы, пѣвцы, не славили войну,
 Какъ и теперь, такъ и во время оно,
 А потому забылъ героевъ свѣтъ.
 Ихъ не вины, я думаю, что нѣтъ

Приличнаго героя для романа.

Итакъ, романъ начну я съ Донъ-Жуана.

VI.

У всѣхъ пѣвцовъ съ эпическимъ перомъ ?
 Забѣтилъ я капризъ такого рода:
 Герои ихъ намъ говорятъ *потомъ*,
 Что было *прежде*—въ видѣ эпизода—
 Съ подругой сидя гдѣ нибудь тайкомъ
 Въ уединеніи, спокойно, вечеркомъ,
 Въ дворцѣ, въ саду, въ пещерѣ отдаленной,
 Гдѣ былъ пріютъ для ихъ четы влюбленной.

VII.

Метода эта, можетъ быть, легка,
 Но я рассказъ люблю начать съ начала,
 Чтобъ избѣжать огромнаго грѣха—
 Всѣхъ вводныхъ сценъ, въ которыхъ пользы мало,
 И съ первыхъ строкъ начну теперь для васъ,
 (Хотя бы ихъ обдумывалъ я часъ)
 Рассказывать, кто былъ отецъ герою,
 И даже мать... я ничего не скрою.

VIII.

Вотъ мы въ Севильѣ. Городъ тотъ плѣнялъ.
 Онъ фруктами и дѣвами прекрасенъ.
 «Тотъ жадокъ, кто въ Севильѣ не бывалъ»—
 Есть поговорка: съ нею я согласенъ.
 Въ Испаніи нѣтъ лучше уголка.
 Кадиксъ... но, нѣтъ, о немъ молчу пока...
 Вотъ здѣсь—то, среди такого міра,
 Росъ Донъ-Жуанъ вблизи Гвадалквивира.

IX.

Его отецъ—Донъ-Жозе, вель свой родъ
 Отъ отрасли фамили дворянской,
 И въ немъ никто ни капли не найдетъ
 Еврейской крови или мавританской.
 Готическiй испанскiй дворянинъ,
 Онъ на конѣ сидѣлъ, какъ властелинъ.
 Вотъ онъ-то въ свѣтъ и произвелъ Жуана,
 А Донъ-Жуанъ... объ этомъ, впрочемъ, рано.

X.

Жуана мать была посвящена
 Во всѣ, тогда извѣстныя, науки,
 Строга къ себѣ, солидна и умна.
 Отъ зависти ломали жоны руки,
 Когда она ихъ стала затмѣвать
 И превосходствомъ явнымъ поражать.
 Всѣ женщины съ отчаяньемъ шептали,
 Что отъ нея во всемъ они отстали.

XI,

А памятью такой кто могъ дивить?
 Вслухъ наизусть читая Кальдерона,
 Она могла суфлера замѣнить,
 Артиста избавляя отъ урона,
 Предъ ней Фейнэглъ (*) ученый спасовалъ:
 Онъ памяти такой не создавалъ,
 Которой такъ рѣшительно и смѣло
 Мать Донъ-Жуана нашего владѣла.

(*) Баденскiй профессоръ, читавшiй въ 1812 году лекцiи *Мнемоники* (искусство развивать память).

XII.

Любила математику она,
 Была релігіознѣй богомолки,
 И рѣчь ея—возвышенно-темна,
 И остроты аттическія—колки.
 И такъ, она во всемъ дивила насъ.
 Поутру облакалась въ каніфасъ,
 А къ ночи въ шолкъ, въ муслиновыя платя:
 Весь гардеробъ не стану исчислять я.

XIII.

По гречески читая... по складамъ,
 Латинскія молитвы понимала,
 И, по приѣзду многихъ знатныхъ дамъ,
 Французскіе романы пробѣгала.
 Языкъ родной ей, кажется, посылъ
 И смыслъ рѣчей довольно теменъ былъ.
 Ея слова всегда темнѣй загадки:
 Тайственность и мракъ ей были сладки.

XIV.

Она любила англійскій языкъ
 И въ немъ съ еврейскимъ сходство находила,
 Ссылаясь на мѣста священныхъ книгъ.
 Хоть сходство то мнѣ непонятно было,
 Но мнѣ, твердя про связь двухъ языковъ,
 Она,—ссылаюсь я на знатоковъ,—
 Открыла слово: имъ (какъ не дивиться!)
 Клянется—жидъ, британецъ же—бранится (*).

(*) Слово «жидъ» въ еврейскомъ языкѣ имѣетъ совершенно другое значеніе на англійскомъ.

XV.

Языкъ для женщинъ—средство къ болтовнѣ,
 Она же, имъ владѣя очень строго,
 Профессоромъ прослыть могла вполне,
 Какъ Ромилъ, прославившійся много
 Законникъ и ученый человекъ.
 Самоубійствомъ онъ окончилъ вѣкъ,
 Въ гробу успокоеніе нашедши,
 И судъ рѣшилъ, что былъ онъ сумашедшій.

XVI.

Ну, словомъ, начиная разговоръ,
 Она казалась книгой иль новеллой
 Миссъ Эджвортъ или повѣстью миссъ Моръ (*),
 И удивить съумѣла бы міръ цѣлый
 Своею добродѣтелью она.
 Въ ней зависть не могла найти пятна;
 Хоть къ слабостямъ нерѣдко склонны дамы —
 Но въ ней — ихъ нѣтъ: — пугались тѣмъ всегда мы.

XVII.

Въ толпѣ святошъ умѣвшая блистать,
 Она стояла выше всѣхъ сравненій,
 И ангелъ могъ ее не охранять:
 Она чужда бѣсовскихъ искушеній...
 Такъ правильны ея движенья, тонъ,
 Какъ ходъ часовъ твоихъ, о, Гаррисонъ! . .
 А нравственность Инесы... здѣсь, казалось,
 Лишь масло Макассара съ ней равнялось.

(*) Миссъ Ганна Моръ — авторъ политическо-нравственнаго романа «Жена Цалобаса».

XVIII.

Но совершенство скучно, говорятъ.
 Съ тѣхъ поръ всѣ люди стали развращаться,
 Когда Адамъ, покинувъ райскій садъ,
 Постигнулъ тайну съ Евой цаловаться —

.

Вотъ почему супругъ, какъ всѣ повѣсы,
 Шалилъ, порой, безъ вѣдома Инесы.

XIX.

Онъ былъ безпечень, зтенья не любилъ,
 Наукой не смущалъ свои досуги
 И беззаботно время проводилъ,
 Не думая о жнѣнии супруги.
 Свѣтъ, злобно наблюдающій всегда,
 Какъ гибнуть царства, семьи, города,
 Рѣшилъ, что Жозе двухъ любовницъ мало, —
 Но в одной довольно для скандала.

XX.

Умѣя высоко себя цѣнить,
 Обиды ни предъ кѣмъ не обнаружа,
 Жена могла съ терпѣниемъ сносить
 Пренебреженье вѣтреннаго мужа,
 Но въ ней характеръ очень былъ хитеръ;
 Она, ведя ученый длинный споръ,
 Спускалась иногда къ житейской прозѣ,
 Заставъ врасплохъ безпечнаго Домъ-Жозе.

XXI.

И не большаго стоила труда
 Его ловить: неправъ, неостороженъ,

Онъ ею уличаемъ былъ всегда.
 Для самыхъ скрытныхъ часъ такой возможенъ,
 Когда убьешь ихъ вѣромъ жены,
 А женщины бываютъ и сдѣльны
 И вѣрь ихъ — опаснѣе княжала.
 Какъ, почему? — о томъ я знаю мало.

XXII.

Всегда мнѣ жаль учешыхъ нашихъ женъ,
 Съ невѣждами вступившихъ въ бракъ законный:
 Иной изъ нихъ хоть знатенъ и уменъ.
 Но устаеть въ бесѣдѣ ихъ мудреной.
 Я вовсе разсуждать о томъ не радъ,
 За тѣмъ, что самъ, по счастью, не женатъ,
 Но вы, мужья, признайтесь: ваши жены
 Не носятъ ли мужскія панталоны?

XXIII.

Донъ-Жозе часто ссорился съ женой,
 Причину ссоръ толпа понять хотѣла
 И узнавать старалась стороной,
 Но мнѣ и вамъ до нихъ нѣтъ вовсе дѣла.
 Такое любопытство — есть порокъ,
 Но я владѣть однимъ искусствомъ могъ:
 Такъ какъ семьи своей я не имѣю,
 То примирять друзей своихъ умѣю.

XXIV.

И въ ихъ дѣла вмѣшаться я хотѣлъ,
 Попался въ вихрь семейнаго содома,
 Но ими бѣсъ какой-то овладѣлъ:
 Я съ этихъ поръ не могъ застать ихъ дома,
 Хотя швейцаръ признался мнѣ потомъ...
 Молчу пока, — но дѣло было въ томъ,

Что Донъ-Жуанъ, какъ школьникъ безобразный,
Въ меня пустилъ ведро съ водою грязной.

XXV.

То былъ курчавый, маленький бунтъ,
Живой и дерзкій, точно обезьяна;
Отца и мать не слушалъ грубиякъ:
Они избаловали мальчугана.
Чѣмъ ссориться мать часто любила,
Они бы занялись его судьбой,
Для обузданья въ школу помѣстили,
Иль дома, наконецъ, хотѣ проучили.

XXVI.

Но Жозе и жена его въ тѣ дни
Несчастія большія испытала;
Не о разводѣ думали они —
Другъ другу смерти искренно желали,
Но ихъ вражды никто не замѣчалъ,
Никто въ разладѣ семейный не вникалъ,
Пока огонь не вырвался наружу
И повредилъ равно женѣ и мужу.

XXVII.

Инеса вдругъ, собравши докторовъ,
Имъ о безумствѣ мужа объявила,
Но такъ какъ онъ въ то время былъ здоровъ,
Она его лишь въ злости обвинила,
Когда жь формальный сдѣланъ былъ запросъ,
То у жены отвѣта не нашлось;
Она себя оправдывать старалась, —
Все это страннымъ показалось.

XXVIII.

Внося ошибки мужа въ свой дневникъ,
 Инеса письма гдѣ-то отыскала
 И нѣсколько для дѣла нужныхъ книгъ.
 При томъ вся знать Инесу поддерживала
 И бабушка, семидесяти лѣтъ.
 Свидѣтели собирались на совѣтъ,
 Какъ адвокаты, судьи и юристы,
 Не столько строги, особенно-гелесисты.

XXIX.

Такъ нѣжная жена со всѣхъ сторонъ
 Черезъ мужа неприятности встрѣчала,
 Съ терпѣннѣмъ спартанскихъ славныхъ жонъ:
 Когда спартанка мужа вдругъ теряла —
 Несла зарокъ всегда о немъ молчать;
 Инеса сплетни разные встрѣчать
 И слушать ихъ привыкла равнодушно.
 И свѣтъ кричалъ: какъ ты великодушна!

XXX.

Терпѣніе есть мудрость для людей,
 Которыхъ свѣтъ за что-то осуждаетъ.
 Приятно знать и похвалу судей.
 Когда нашъ планъ до цѣли достигаетъ;
 Хоть «malus animus», юристы говорятъ, —
 Здѣсь выраженіе это не подъ ладъ:
 Всѣ добрыхъ дѣломъ мщенья не считаютъ,
 Но мой ли стыдъ, когда васъ обижаютъ?

XXXI.

Пусть ссоры поднимаютъ прошлый грѣхъ,
 Приправленный новѣйшей клеветою,

Кто жь виновать? Не обвинять же вѣхъ.
 Все сдѣлалось легендою простомъ,
 А при сравненіи—прошедшее вреда
 Не сдѣлаетъ всѣмъ людямъ никогда...
 Злословіе наукъ помогаетъ:
 Она изъ сплетенъ пользу извлекаетъ.

XXXII.

Сперва друзья сошлись ихъ похвалить,
 Потомъ родня, но дѣло вышло хуже.
 (Друзья съ родными рѣдко могутъ быть
 Полезными и при женѣ и мужѣ).
 Юристы толковали про разводъ,
 Но послѣ всѣхъ издержекъ и хлопотъ,
 Скандалъ особымъ случаемъ прервался:
 Домъ—Жозе неожиданно скончался.

XXXIII.

Къ несчастію, онъ умеръ невпопадъ.
 Юристы тонко очень замѣтали,
 (Хоть ихъ языкъ ужасно темновать)
 Что если бъ смертью имъ не помѣшали,
 То кончались съ успѣхомъ ихъ дѣла...
 Большой потерей смерть его была
 Для публики чувствительной и нѣжной,
 На всѣхъ поминкахъ пышныхъ неизбежной.

XXXIV.

Онъ умеръ и въ могилѣ съ нимъ лежитъ
 Обманутыхъ юристовъ гонорарій.
 Любовницу одну къ себѣ взялъ жидъ,
 Другую же, есть слухи, взялъ викарій.
 Домъ продали и отпустили слугъ.
 Мнѣ докторъ объяснилъ его недугъ:

Отъ лихорадки умеръ онъ такъ скоро,
Простясь съ женой до окончанья спора.

XXXV.

Но Жозе былъ почтенный господинъ;
Хоть онъ имѣлъ большіе недостатки —
Бранить его не нахожу причинъ.
Допустимъ, что страстей его припадки
Въ немъ подавляли самый умъ не разъ,
Что жизнь не могъ вести онъ безъ проказъ,
Кто жь виноватъ, что чѣмъ же насъ дивить оубо?
Донъ-Жозе просто дурно былъ воспитанъ.

XXXVI.

Но былъ ли онъ виновенъ или нѣтъ —
Бѣднякъ страдалъ при этомъ очень много.
Вѣдь тяжело (я думаю, веруя въ нѣтъ
Теперь его судить не будетъ строго)
Ему бывало въ собственномъ дому
И день и ночь терзаться одному.
Для гордости два выхода открылось:
Гробъ и процессъ — и смерть къ нему явилась.

XXXVII.

Онъ умеръ безъ духовной и Жуанъ
Единственнымъ наслѣдникомъ остался
Большихъ имѣній. Мать имѣла планъ,
Чтобъ съ нихъ доходъ для сына сберегался.
Такъ опекуницей слѣдалась она
И долгу новому во всемъ была вѣрна.
Почти всегда, — мнѣ думать есть причина, —
Мать — лучшая наставница для сына.

XXXVIII.

Умѣйшая изъ женщинъ и шибъ влюбъ
 Рѣшилась такъ воспитывать Жуана,
 Чтобъ каждый былъ пріемать его готовъ
 За совершенство... поздно или рано.
 Хотѣлось ей въ немъ рыцаря создать,
 Чтобъ мечъ войны онъ съ честью могъ держать.
 Онъ ехтовалъ, наѣдничалъ немножко
 И къ женщинѣ сдѣлалъ бы влѣвъ въ окошко.

XXXIX.

Но болѣе всего желала мать,
 Въ чемъ ей и помогали педагоги,
 Такъ нравственно Жуана воспитать,
 Чтобъ ала онъ и не видѣлъ по дорогѣ.
 За всѣмъ слѣдилъ ея прилежный взоръ;
 Науки и искусства подъ надзоръ
 Она брала и — сына такъ хранила: —
 Естественнымъ наукамъ не учила.

XL.

Онъ посвященъ былъ въ тайны языковъ
 И только въ тѣ абстрактныя науки,
 Которыя живутъ средь облаковъ.
 Искусство тоже допускалось въ руки
 Во всей его безгрѣшной чистотѣ,
 Но книги всѣ и всѣ страницы тѣ,
 Гдѣ сладострастье видимо для глаза,
 Скрывались отъ ребенка, какъ зараза.

XLI.

А классиковъ какъ могъ онъ изучать?
 Съ богами тамъ безчинствуютъ богини.
 Т. CVI. Отд. I.

Безъ панталонъ ихъ любятъ рисовать,
 А юбокъ и корсетовъ нѣтъ въ поминѣ.
 Терпѣль не разъ домашній педагогъ
 За чтенье Одиссея и да, монъ.
 Безъ пропусковъ прочесть всю Илиаду:
 Вдова тѣхъ книгъ, болѣе лица алф.

XLII.

Овидій былъ распутный по стилю,
 Безнравственна мораль Анакреона,
 Катулъ научить только лишь грѣхамъ,
 И образцомъ порядочнаго тона
 Я оды Сафо, право, не сочту,
 Хоть въ ней находятъ даже красоту.
 Одинъ Вергилій чистъ, но — будемъ строгъ —
 Нельзя читать одной его вклоги (*).

XLIII.

Лукрецій же навѣрно бѣ запугалъ
 Умъ мальчика, что было бы печально;
 А, наконецъ, неправъ и Ювеналь, —
 Хоть цѣль его, быть можетъ, и похвальна, —
 И искренность прямыхъ его сатиръ
 Граничить съ грубостью. За тѣмъ весь миръ,
 Народъ благовоспитанный хоть мало,
 Прочтетъ ли эпиграмы Марціала?

XLIV.

Въ иномъ изданіи читалъ ихъ Донъ-Жуанъ.
 Учителя, вѣрны своей программѣ,

(*) Байронъ упоминаетъ о той цѣли Вергилія, которая начинается словами:
 «Formosum Pastor Corydona».

Все вредное — простительной обманъ —
 Выбрасывать умѣли въ эниграммѣ.
 Но чтобъ поэта меньше искажать,
 Всѣ пропуски рѣшились помѣщать
 Въ особомъ приложеніи тетради
 И подобрала ихъ въ такомъ порядкѣ:

XLV.

Вслѣдъ за строкой вылетѣла строка
 Изъ разныхъ мѣстъ надернута всякъ;
 Ихъ радъ видеть, какъ стройнымъ войско
 Предъ взорамъ вояжера ребенка.
 Другой издатель меньше будетъ строгъ,
 Введетъ на ихъ мѣста радъ этихъ строкъ,
 Чтобы они другъ другу не мигали,
 Какъ статуи въ саду на пьедесталѣ.

XLVI.

Фамильного служебника дается
 Въ себѣ рисунки разныхъ храненъ;
 Они по темамъ не блещутъ чистоты
 И, признаюсь, хвалю меня двоякъ:
 Скоромный видъ рисунковъ, я слыхалъ,
 Ихъ благочестья вовсе не смущалъ.
 Но отъ Жуана книжку эту скрыли
 И книжкою другою забили.

XLVII.

«Словъ и рѣчей» прочелъ онъ дѣдѣи тамъ,
 Зналъ жизнь людей, спасающихся въ пустынь
 И изнурившихъ плоть свою постомъ...
 Ахъ, чтобъ вполнѣ постигнуть вѣру нынѣ
 И чтобъ ее до смерти не терять,
 Должны мы Августина прочитать:

Когда его «Признанія» читаю —
Завидовать ему я начинаю.

XLVIII.

Ученику была запрещена
И эта книга. Мать за всѣмъ слѣдила.
Я долженъ согласиться, что она
Отличную методу проводила.
Она въ свой домъ служанку ту брала,
Которая уродлива была,
И избавляя сына отъ приманокъ,
Гнала всегда хорошенькихъ служанокъ.

XLIX.

Жуанъ въ шесть лѣтъ собою всѣхъ плѣнялъ,
Росъ граціозный, чистый, какъ всѣ дѣти;
Въ одиннадцать красавцомъ юнымъ сталъ,
Какихъ немного встрѣтишь въ этомъ свѣтѣ.
Жуанъ въ ученьи дѣлалъ чудеса
И, кажется, шелъ прямо въ небеса:
Не выходилъ изъ церкви до обѣда,
А вечеромъ — съ духовникомъ бесѣда.

L.

Итакъ, въ шесть лѣтъ онъ былъ хорошъ и милъ,
Въ двѣнадцать сталъ онъ мальчикомъ красивымъ,
И если въ дѣтствѣ много онъ пламалъ,
То справились съ характеромъ строптивымъ.
Въ немъ прежняго Жуана не узнать,
И только любовалась втайнѣ мать, —
И взглядъ ея вдругъ становился нѣженъ, —
Что Донъ-Жуанъ уменъ такъ и прилеженъ.

LI.

Я сомнѣваюсь въ этомъ, можетъ быть, —
 Что жь, публикѣ до этого нѣтъ дѣла:
 Отца его успѣлъ я изучить,
 Но по отцу судить бы слишкомъ смѣло
 О свойствахъ сына. Мать съ его отцомъ
 Напрасно становилась подъ вѣнцомъ,
 Но, нѣтъ... мнѣ отвратительно злословье:
 И въ шутку не люблю подобныя словья.

LII.

Поэтому молчать я буду, но
 Одно скажу, — когда бѣ имѣлъ я сына —
 (По счастью, мнѣ сына не дано)
 Чтобъ воспитать его, какъ гражданина, —
 Его ума и свѣжихъ, дѣтскихъ силъ
 Инесѣ бы никакъ не поручилъ.
 Нѣтъ, нѣтъ, ужь лучше бѣ въ школѣ помѣстился,
 Гдѣ нѣкогда и самъ я обучился.

LIII.

Не изъ тщеславья учимся мы тамъ;
 Я приобрѣлъ... но обойду молчаньемъ,
 Что я дѣвтяемъ былъ не по дѣтамъ
 И могъ пренебрегать языкованьемъ.
 Я говорю, что тамъ, — но «Verbum sat»
 Я потерпѣлъ тамъ знаній цѣлый рядъ,
 Какихъ? другой вопросъ. Прибавлю безъ обмана —
 Я противъ воспитанья Донъ-Жуана.

LIV.

Въ шестнадцать лѣтъ Жуанъ ужь былъ высокъ;
 Сложенъ прекрасно, сгробенъ, онъ казался

Вполнѣ мужчиной, — съ головы до ногъ
Онъ взрослымъ человѣкомъ представлялся.
Такое мнѣнье злило очень мать
И губы приводилось ей кусать,
Когда она подчасъ его слыжала:
Вдову развитѣе раннее пугало.

LV.

Была одна въ числѣ ея друзей, —
То — Юлія. Красавицы названье
Къ ней мало шло въ толпѣ другихъ людей.
Прелестное и дивное созданье!
Жить не могла она безъ красоты,
Какъ не живутъ безъ запаха цвѣты,
Какъ купидонъ безъ лука не гуляетъ...
(Послѣднее сравненіе хромаетъ).

LVI.

Огонь и блескъ ея восточныхъ глазъ
О мавританской крови говорили,
(А эту кровь, скажу на этотъ разъ,
Въ Испаніи грѣховной находили):
Когда Гренаду бросилъ Боабдиль,
Рядъ предковъ доньи Юліи слышалъ
Плыть въ Африку. Въ Испаніи осталась
Прабабка Юліи, гдѣ скоро обвинчалась —

LVII.

Съ однимъ гидальго. Онъ-то завѣщалъ
Потомству кровь не съ прежней чистотою,
И если бѣ только гордый предокъ зналъ, —
Проклятіе послалъ вслѣдъ за четою:
Тогда къ вомѣхъ не было причинъ
Братъ въ жены тетокъ или же кузинъ,

Что признается вреднымъ для народа,
Котораго терзается порода.

LVIII.

Но раса вновь была подневлена,
При порчѣ крови, тѣло улучшилось,
Изъ корня безобразнаго, сдѣла,
Вѣтвь молодая снова распустилась,
Красивѣй, выше дѣти стали, но...
Молва о томъ ходила ужь давно,
Что отъ прабабушки остались дѣти
Все больше... незаконныя на свѣтѣ.

LIX.

Но все-таки порода шла впередъ
И постепенно лучше становилась
До той поры, какъ доведеть былъ родъ
До сына; отъ него-то дочь явилась:
Въ ней Юлію должны вы угадать.
(О ней хочу я много толковать; —)
Она была изъ избраннаго круга,
Прекрасная и вѣрная супруга.

LX.

Ея глаза (я безъ ума отъ нихъ)
Въ себѣ таили море знойной страсти.
Заговорить — въ ея глазахъ живыхъ —
Не то любовь, не то величье власти,
Какое-то желаніе любви,
Которое мучитъ еще въ крови,
Но каждому бѣ минуту сардыало,
Когда бѣ душа его не подавляла.

LXI.

Вылился кудри вокругъ ей чела,
 Гдѣ умъ и мысль высокая сверкали,
 Дугою бровь надъ чернымъ глазомъ шла
 И щеки блескомъ юности пылали —
 И вспыхивалъ на нихъ огонь не разъ,
 Какъ будто бѣ кровь на мигъ одинъ зажглась.
 Высокая, держалась стройно, просто...
 (Бѣгу и женщинъ маленькаго роста).

LXII.

Мужъ Юлиа — пятидесяти лѣтъ.
 Такихъ мужей встрѣчается не мало...
 Зачѣмъ женѣ не разрѣшаетъ свѣтъ,
 Чтобъ *одного* такого промѣняла
 На *двухъ* мужей лѣтъ двадцати пяти?..
 На югѣ къ этому легко придти.
 О, женщины! скрывать для чего же:
 Милѣй вамъ мужъ, который помоложе!

LXIII.

Я не молчу объ этомъ: все вина
 Здѣсь въ неприличьи солнечнаго свѣта.
 Вѣдь наша плоть слаба и не сильна,
 Его лучами яркими согрѣта,
 И духъ и плоть отъ бездны не спасутъ
 Ни строгіе посты, ни тяжкій трудъ.
 Вотъ почему на югѣ мы не строги
 Къ людскимъ грѣхамъ, къ которымъ склонны боги.

LXIV.

Ты нравственнѣй, нашъ сѣверный народъ!
 Тамъ добродѣтель анны охраняютъ,

Тамъ страсти остужаетъ зимній ледъ
 И всѣ грѣхи подъ снѣгомъ замерзають.
 Тамъ судъ присяжныхъ женщинъ оцѣнилъ,
 На страсть мужчинъ онъ пеню наложилъ
 И женщинамъ тамъ отдѣлетъ плата
 По правиламъ торговаго разврата.

LXV.

Мужъ Юлія — Альфонсъ, для старика
 Былъ не дурень, — жена его терпѣла
 И мирно жизнь тепла у нихъ шла,
 Такъ что молва злословить не посмѣла.
 Они умѣли долгъ свой выполнять
 И слабости другъ другу извинять.
 Мужъ былъ ревнивъ, хотъ и скрывалъ онъ это:
 Вѣдь ревность никогда не любитъ свѣта.

LXVI.

Его жена — я этому дивлюсь —
 Была подругой лучшею Инесы,
 Хотя ни въ чемъ ихъ не сходился вкусъ
 И Юлія чуждалась дѣла прессы.
 Былъ слухъ одинъ (ахъ, злые языки
 На выдумки бывають такъ ловки!),
 Что Донъ Альфонсъ, — до брака, безъ сомнѣнья, —
 Инесу ввелъ когда-то въ прегрѣшенье,

LXVII.

Что эта связь теперь у нихъ сиромна
 И дружба страстность прежнюю смѣнила,
 Что, наконецъ, впоследствии она
 Желу Альфонса очень полюбила.
 Жена гордилась дружбой той; къ тому жъ
 Пріязнью ихъ доволенъ былъ самъ мужъ.

Инеса этимъ сплетни подавала
Иль менѣе причинъ для нихъ дала.

LXVIII.

Но Юлія про связь ихъ, можетъ быть,
Понятя никакого не имѣла,
А если и случилось ей открыть,
То это въ тайнѣ скрыть она умѣла
Иль не хотѣла престо замѣчать...
Я не могу двухъ словъ о томъ сказать,
Двишь потому, что рассужденья эти
Держала донья—Юлія въ секретѣ.

LXIX.

Вниманіе и ласку и привѣтъ
Она Жуану юному дарила:
Тогда ей было только двадцать лѣтъ,
Ему жь тринадцать только наступило.
Но вотъ ему,—насталъ тотъ періодъ,—
Шестнадцатый, ей—двадцать третій годъ.
Въ такіе годы трудно быть спокойнымъ,
Особенно подъ солнцемъ очень знойнымъ.

LXX.

Она и онъ—перемѣнились вдругъ,
Дичились и другъ друга избѣгали;
Въ глазахъ у нихъ при встрѣчѣ былъ испугъ,
Неловкость ихъ поклоны выражали.
Жена Альфонса опытна была
И перемѣну эту пенала,
Но смутны были мысли въ Донъ-Жуанѣ,
Какъ думы степняка объ океанѣ.

LXXI.

Но Юлія еще была нѣжна,
Ея рука такъ нѣжно отышалась
Изъ рукъ его, что, кажется, она
Едва—едва къ Жуану прикасалась.
Съ пожатіемъ ласкающимъ рука
Казалось, какъ сомнѣніе, легка,
Но въ Донъ—Жуанѣ то прикосновеніе
Будило и восторгъ и наслажденіе.

LXXII.

Улыбки нѣтъ въ чертахъ ея лица,
Но у нея печали нѣжны тоже;
Въ ней тайнымъ мыслямъ нѣтъ теперь конца,
Ей тайны думъ всего теперь дороже,
Чѣмъ глубже ихъ въ себѣ она хранитъ:
Отъ хитрости невинность не бѣжитъ
И людямъ думъ своихъ не повѣряетъ.
Любовь насъ къ лицемѣрью приучаетъ.

LXXIII.

Но страсть всегда предасть себя сама,
Таинственность ей часто измѣняетъ,—
Такъ часто неба сумрачнаго тьма
Ужаснѣйшую бурю предвѣщаетъ.
Страсть—хоть скрывай—не спрячется она
(Страсть лицемѣрью тоже предана);
Гнѣвъ, холодность всѣ маски считаютъ,
Но эти маски рѣдко насъ спасаютъ.

LXXIV.

Межъ ними вздохи чаще начинаея,
Нѣжнѣй бросались взгляды ихъ упрямой,

Они краснѣли чаще и грѣсались
 Какой-то непонятной дикорадой.
 Ну, словомъ, та прелюдiя любви,
 Будившая желанiя въ крови,
 Шла, какъ всегда, съ такими новичками,
 Стыдливыми и робкими шагами.

LXXV.

Но Юлiя волнуясь пошла,
 Что сердце ей измѣнить очень скоро,
 И строгое рѣшенiе приняла
 Спасти себя и мужа отъ позора.
 И та рѣшимость въ ней была сильна:
 Смутна бы Тарквинiя она.
 Красавица въ часъ полночи безсонной
 Съ молитвою склонялась предъ Мадонной.

LXXVI.

Бѣжать Жуана давъ себѣ обѣтъ,
 Она къ Инесѣ утромъ же порхнула
 И все ждала: придетъ онъ или нѣтъ?
 Но въ ожиданьи утро промелькнуло.
 И Юлiя съ досадою стала ждать.
 Открылась дверь... Ужель не онъ опять?...
 О, Юлiя! Мнѣ думать приходилось:
 Едва-ль въ ту ночь Мадоннѣ ты молилась.

LXXVII.

Красавица рѣшила, что должна
 Лицомъ къ лицу стоять предъ искушеньемъ,
 Что бѣгство бесполезно и рана
 Испугана случайнымъ увлеченьемъ
 И, что хотя ей правится Жуанъ...
 Какъ многiе другiе, но обманъ.

Теперь не страшень больше, какъ когда-то;
Она Жуана любить, такъ жаль... брата.

LXVIII.

Но если бь даже, наконецъ, — какъ звать! —
Бьсь такъ хитерь, — она и сочиняла,
Что ей опасность можетъ угрожать,
То ужь навѣрно во время смеркала
И прогнала непрощенную страсть —
(На то у строгой женщины есть власть)
Отказомъ хладнокровнымъ и упрямымъ:
Я предлагаю способъ тотъ вамъ данамъ.

LXXIX.

При томъ же развѣ нѣтъ любви святой,
Невинной, голубиной, безупречной,
Передъ которой никнетъ съ чистотой
И даже ангель самый безпорочный,
Любви мной, «такой же, какъ моя», —
Такъ Юлія рѣшила не тая,
И я бы ей повѣрилъ, можетъ статья,
Когда бы мной пришлось ей увлекаться.

LXXX.

Любовь такая вовсе не грѣшна.
Цалуютъ руку женщины сначала,
Потомъ... къ губамъ манить любовь должна;
Но, впрочемъ, я объ этомъ знаю мало,
Хоть слышалъ я, среди различныхъ дѣлъ,
Что и въ любви есть тоже свой предѣлъ,
Переступить который — преступленье.
Пусть это служить многимъ въ поученье.

LXXXI.

И такъ, любовь въ предметахъ чистоты
 Питать къ Жуану Юлія рѣшилась.
 Есть польза отъ любви и красоты,
 Для Донъ-Жуана тоже бы ливлась
 Она полезною, — и я теперь должна, —
 Такъ Юлія мечтаньямъ предана —
 Его учить... Чему же? но на это
 Намъ не дала бы Юлія совета.

LXXXII.

Повѣривъ въ свой вполне прекрасный планъ,
 Защищена душевной чистотой,
 Не опасаясь вновь попасть въ обманъ,
 Она съ похвальной очень прямою
 Отбросила ненужный ей контроль
 И въ новую тотчасъ вступила роль.
 Какъ къ подвигу была она способна —
 Впоследствии узнаемъ мы подробно.

LXXXIII.

Планъ Юліи невиненъ былъ и смѣлъ.
 Для толковъ свѣта не было предлога,
 Но еслибъ и злословить онъ хотѣлъ,
 То Юлія, себя поставивъ строго,
 Своею добродѣтелью горда,
 Покойной оставалась бы всегда.
 Такъ жгли себя когда-то христіане,
 Повѣривъ въ подвигъ собственный заранѣ.

LXXXIV.

И еслибъ умеръ мужъ (пусть ей во снѣ
 Того не снится: женщины всѣ слабы.

Тутъ Юлія вздохнула въ тишинѣ),
 Она его едва не перешла. Балъ
 Но еслибъ умереть ему пришлось, —
 Я говорю — быть можетъ — интегъ поа...
 (Entre nous сказать и должно бытъ, къ стыду же,
 То было бы для рюмы вдвое хуже.)

LXXXV.

Я говорю, положимъ, онъ умретъ.
 Тогда Жуанъ, знакомый съ высшимъ кругомъ,
 Лѣтъ черезъ семь съ вдовою въ храмъ войдетъ
 И станетъ настоящимъ ей супругомъ.
 А живъ Альфонсъ — бѣда не велика —
 Съумѣетъ онъ и потерпѣть пока
 И правиламъ любовнымъ обучаться,
 Чтобы потомъ полнѣе наслаждаться.

LXXXVI.

Но перейдемъ къ Жуану мы опять.
 О, бѣдливый! Онъ, блѣднѣя и худѣя,
 Самъ чувствъ своихъ не могъ еще понять
 И, пламенный и пылкій, какъ Медея,
 Надъ новымъ чувствомъ голову ломалъ.
 И — милый мальчикъ! — онъ не понималъ,
 Что ощущенье это не опасно
 И можетъ быть со временемъ прекрасно.

LXXXVII.

Мечтательный, задумчивый, любилъ
 Онъ въ темный лѣсъ изъ дому удаляться,
 Свою тоску съ собою уносилъ
 И съ ней хотѣлъ всегда уединяться.
 Я самъ имѣю склонность къ тишинѣ,
 Но... тишина всегда является зѣнѣ

Подъ формами султанскаго чертога,
Гаремомъ, гдѣ прекрасныя женщины много.

«Любовь, любовь! лишь только въ тишинѣ
«Восторгъ и безопасность мы цѣнили;
«Блаженства тронъ тамъ оторочдала мнѣ
«И тамъ въ тебѣ мы бога находили» (*)
Поэтъ сказалъ четыре гдѣ-то
Вторая строчка, кажется, плоха:
«Восторгъ и безопасность!» Ихъ сближеніе
Лишь только затемняетъ впечатлѣніе.

XXXIX.

Я думаю, сослался здѣсь поэтъ
На здравый смыслъ: вѣдь поздно или рано
Онъ людямъ предлагаетъ свой срѣтъ...
Не любимъ мы, когда хоть для обмана
Мѣшаютъ намъ обѣдать и... любить.
Я о любви не стану говорить,
Не зайнусь и о «восторгахъ» тоже,
Но «безопасность» попрошу быть строже.

XC.

Жуанъ бродилъ по склону ручейковъ,
Неясныхъ чувствъ своихъ не сознавая,
И въ зелени укромныхъ уголковъ
Подъ деревомъ ложился размышляя...
Поэты здѣсь стихи свои поютъ,
Читаемъ мы рѣмованный ихъ трудъ,
Когда стихи поэта даровиты...
(Пѣвецъ Вордсвортъ! стиховъ намъ не пиши ты!...)

(*) Кембелъ, Gertrude of Wyoming. — Миссъ Дикъ.

ХСІ.

Такъ жизнь героя нашего текла
 Въ борьбѣ и бесполезной, и безцѣдной,
 И наконецъ, для пораженья ала
 Вооружился умъ его свободный.
 Онъ сдѣлалъ все, что только сдѣлать могъ,
 Но не понялъ еще своихъ грѣховъ,
 Онъ понялъ Колериджемъ понялся
 И въ метафизика преобразился.

ХСІІ.

Онъ размышлялъ о мирѣ, о судьбѣ
 Людей, о томъ, что вѣданы блещутъ гдѣ-то,
 И задавалъ вопросы онъ себѣ:
 Откуда-жъ въ мирѣ явилось все это?
 Уже-ль мы жить не можемъ безъ войны?
 И сколько миль въ окруженности думы?
 Съ луны опять на землю онъ спускался
 И съ Юліей въ мечтахъ не расставался.

ХСІІІ.

Въ мечтахъ Жукова мечталъ насъ найти
 Высокіе порывы и стремленья
 Ихъ люди постигаютъ на пути,
 Чтобъ учиться потомъ отъ размышленья;
 Такія думы въ юности новы.
 Философомъ его считали мы.
 Почти такимъ онъ былъ; ему не мало
 Въ томъ раннее развитіе помогало.

ХСІV.

Онъ думалъ о природѣ, о цвѣтахъ,
 О птичкахъ, что въ лѣсахъ бродить любилъ,
 Т. СVІ. Ст. І.

О гротахъ и таинственныхъ мѣстахъ,
 Куда богини съ облака сходили.
 И онъ съ тропинки въ чашу понадалъ,
 Когда жъ часы случайно раскрывалъ,
 Былъ удивленъ, что такъ часы мелькали:
 Его давно къ обѣду ожидали.

XCV.

Но иногда и въ книгу онъ глядѣлъ,
 Въ творенья Гарсилассо и Боскана (*);
 Ихъ мистицизмъ вполне сродство имѣлъ
 Съ мистической душою Донъ-Жуана.
 Его душа, казалось, была
 Обвороженнымъ духомъ и плыла
 По воздуху, не принимая въ зорѣ,
 Какъ говорить старухи въ нашемъ мирѣ.

XCVI.

Такъ одиноко дни за днями шли;
 Жуанъ скучалъ, въ немъ сильно сердце билось,
 Но ни мечты, ни пѣсни не могли
 Его дать то, къ чему душа стремилась:
 Грудь нѣжную, къ которой могъ бы вдругъ
 Склонить лицо и слышать сердца стукъ
 И послѣ этого... что дальѣе бываетъ —
 Миѣ рассказать неопытность нѣзнаетъ.

XCVII.

Какъ Донъ-Жуанъ томился и скучалъ,
 Отъ Юлиѣ внимательной не скрылось,
 Но взоръ вдовы еще не замѣчалъ,
 Что Донъ-Жуана жизнь перемѣнилась.

(*) Испанскіе поэты.

Въ ея глазахъ по вѣчному жинъ сынъ
И для распросовъ не было причинъ.
Вотъ вамъ примѣръ, — я въ этомъ самъ норука, —
Что иногда и хитрость близорука.

ХСVIII.

Вотъ хоть мужья. У нихъ не мало женъ,
Которыя нерѣдко нарушали
Ту заповѣдь... растерянь и смущень,
Ее припомнить я могу едва ли.
(Я цифру позабылъ, а на угадъ
Ее при дамахъ рѣдко говорятъ.)
Ревнивый мужъ всегда готовъ на промахъ
И насмѣшить жену и всѣхъ знакомыхъ.

ХСIX.

Ревнивый мужъ подозреваетъ тамъ,
Гдѣ подозрѣнье вовсе невозможно,
Иль, какъ на зло, доварившимъ друзьямъ
Жену онъ поручалъ неосторожно
И подъ носомъ не видѣлъ ихъ проказъ.
Последній случай чаще между насъ:
Мужья потомъ ихъ громко порицаютъ,
Но глупости своей не замѣчаютъ.

С.

Съ такой же слѣпотою отецъ и мать.
Отъ нихъ скрываютъ шалости всѣ дѣти,
Хотя о томъ вслухъ начали кричать
И ихъ интриги всѣмъ извѣстны въ свѣтѣ,
И только бѣгство сына подъ вѣнецъ
Всю истину раскроетъ наконецъ:
Рыдаетъ мать, родитель проклинаетъ,
Что, впрочемъ, мало дѣлу помогаетъ.

CI.

Жуана мать заботлива была
 И — думаю — за сынонь наблюдала,
 Ему свободу полную дала
 И съ цѣлью въ искушеньи оставляла.
 Какая жь цѣль? я не могу сказать.
 Быть можетъ, чтобъ его образовать,
 Иль чтобъ Альфонсъ раскрылъ глаза скорѣе
 И началъ за женой слѣдить хитрѣе.

CII.

Однажды, въ лѣтній день... Ужъ чадана
 Известно, что опасно очень лѣто
 И мѣсяць май и теплая весна:
 Винимъ мы солнце жгучее за это.
 Дѣйствительно, есть мѣсяцы, когда
 Природа словно станетъ молода.
 За зайцами мы въ мартѣ всюду рыщемъ,
 А въ майскій день любви желанной ищемъ.

CIII.

Итакъ, въ июнь... помню в число;
 Шестое. Я люблю быть въ числахъ точень;
 Когда до чиселъ дѣло ужъ дошло,
 Я ихъ порядкомъ очень озабочень.
 Они подобны — станціямъ: судьбы
 Коней на нихъ мѣняютъ для гоньбы,
 Мѣняютъ тонъ, и мчатся также строги
 Черезъ царства и столѣтья по дорогѣ.

CIV.

Итакъ, въ июнь, съ кѣмъ-то, не одна
 Въ бесѣдкѣ дивной Юлія сидѣла,

Какъ гурія, — описана она
 Анакреономъ-Муромъ отецъ, снѣло.
 Ему судьба не даромъ принесла
 Съ небесъ вѣнокъ лавровый для чела —
 И сладко пѣть заставляла на днѣхъ.
 Пусть лавры тѣ онъ долго носить въ мѣрѣ!...

CV.

Въ бесѣдкѣ были двое. Я не видалъ,
 Какъ въ этотъ садъ они вдвоемъ попали, —
 Я многимъ бы въ тѣхъ случаяхъ желалъ,
 Чтобъ свой языкъ на привязи держали.
 Они сошлись, а какъ? — намъ дѣла нѣтъ —
 И засѣдали рядомъ tête-à-tête.
 Ахъ, близость ихъ была неосторожна,
 Но глазъ закрыть имъ было невозможно.

CVI.

Какъ хороша была она тогда!...
 Она грѣха еще не испытала...
 О, ты, любовь! Какъ власть твою горда,
 Какъ часто слабосильныхъ ты спасала,
 Какъ тѣ минуты въ жизни хороши,
 Когда ты къ намъ спускаешься въ тиши!...
 Хотя надъ бездной Юлія стояла,
 Но вѣрила въ себя и не дрожала —

CVII.

И думала, что строгъ ужасно свѣтъ,
 Что добродѣтель въ ней непобѣдима,
 Что... мужу ялтыдесль (о, ужасъ!) лѣтъ...
 Ахъ, лучше бы скорѣй прочталась мимо
 Такая мысль: подобные года
 Для женщины не милы никогда;

Во всѣхъ странахъ печальны числа эти
И только хорошо звучать въ монетѣ.

СVIII.

Когда въ глаза насъ упрекнуть хотятъ:
«Разъ *пятьдесятъ* твержу вамъ», повторяютъ;
— «Я написалъ куплетовъ *пятьдесятъ*»,
Сказалъ поэтъ и — чтеньемъ утомляетъ.
Ограбятъ насъ воровъ *десятокъ* пять,
Льгъ въ *пятьдесятъ* любви намъ не знаятъ,
Но *пятьдесятъ* червонцевъ насъ спасаютъ,
И ими ласкъ не мало покупаютъ.

СIX.

Жена Альфонса смѣло поклялась,
Безъ всякаго сомнѣнья и испуга,
Беречь всегда, во всякій день и часъ
Свою любовь и вѣрность для супруга,
Рѣшилась мысли грѣшныя прогнать
И... — за собою трудно наблюдать —
Нечаянно, безъ всякаго обмана,
Вложила ручку въ руку Донъ-Жуана.

СX.

Склонивъ лицо къ другой его рукѣ,
Которая ласкала локонъ милый,
Она глядитъ въ разсѣянной тоскѣ,
Въ небрежной позѣ, нѣжной и унылой...
Ну, можно ли вдвоемъ ихъ оставлять
И за четой такой не наблюдать?
Какъ встрѣчи ихъ Инеса допускала?
Нѣтъ, мать моя за мной бы наблюдала.

CXI.

Его рука въ рукѣ ея дрожитъ.
 Пожатые было чисто такъ и нѣжно...
 Сомнѣнья нѣтъ: такъ страсть не говоритъ, —
 Въ ея любви, какъ въ сердцѣ, безмятежно.
 Нѣтъ, Юлія бѣжала бы, когда
 Хоть нѣсколько грозила бь ей бѣда,
 Когда бь одна несдержанная страстность
 Ей предсказала въ будущемъ опасность.

CXII.

Что думалъ Донъ-Жуанъ, нельзя узнать,
 Но дѣлалъ то, что сдѣлали бь мы сами:
 Слѣшилъ уста къ рукѣ ея прижать
 И отскочилъ съ пылавшими щеками,
 Какъ будто дерзость очень велика:
 Любовь сперва бываетъ такъ робка...
 Но Юлія безъ гнѣва покраснѣла,
 Хотѣла говорить и... не ужгла.

CXIII.

День угасалъ — и вотъ взошла луна,
 Луну мы цѣломудренно считали,
 А между тѣмъ, какая же она!
 Всѣ дни въ году навѣрно не видали
 Тѣхъ несчастныхъ дѣлъ и разныхъ бѣдъ,
 Съ которыми знакомъ былъ Лунный свѣтъ;
 Въ иную ночь луна ихъ видитъ много,
 Хотъ смотреть цѣломудренно и строго.

CXIV.

Въ часъ ночи въ миръ слетаетъ тишина,
 Когда душа спокойствіемъ обходится,

Прекрасными надеждами полна,
 А лунный свѣтъ туманный съ неба скондитъ.
 И освѣщаетъ листья и траву.
 Сны чудные проходятъ на яву
 И грудь полна любовною истомой,
 Таинственной, давно душѣ знакомой.

СХV.

Рукой Жуана нѣжно обвита,
 Она сидитъ, къ груди его склоняясь,
 Но и теперь въ ней мысль еще чиста,
 Иначе бы, объятіемъ сѣнилась,
 Она могла немного дальше сѣсть,
 Но, господа, въ той позѣ прелесть есть!...
 Потомъ они... но адѣсь перо кладу я,
 Вдругъ покраснѣвъ и сильно негодую.

СХVI.

Платонъ, Платонъ! Ты проложилъ тропу
 Своею философіей проклятой
 И ей смутилъ навзную толпу
 И, дерзостью безумною объятый,
 Губилъ народъ до самаго конца
 Вѣрнѣ романиста и шута.
 Ты, шарлатанъ, миръ пошарившій чужой,
 При жизни былъ ты гаеръ и профанъ.

СХVII.

Лишь только вѣдомъ Купидонъ вѣнчанъ,
 Ужь было поздно дѣлать отступленіе.
 Изъ глазъ прекрасныхъ слезы покатились...
 Ужь таково людскихъ страстей дѣйствіе!
 Кто могъ любить и тутъ же возненавидѣть?
 Она себя старалась зашиять.

Хоть слабо, искушенья прогоняла,
Шептала «нѣтъ», и все жь не утвояла.

СХVIII.

Ксерксъ, говорятъ, награду обѣщалъ,
Чтобъ новое открыли наслажденье.
Я думаю, онъ многого желалъ
И дорогаго очень, безъ сомнѣнья.
Я, какъ поэтъ, имѣю скромный вкусъ:
Дай мнѣ любовь — я тотчасъ развлекусь.
Мнѣ наслажденья новаго не надо —
И старыя наслажденья мнѣ сердце радо.

СХIX.

О, наслажденье! свято ты для насъ,
Хоть моралистъ за те насъ проклинаетъ.
Я не грѣшнѣ сбираюсь каждый разъ,
Лишь только годъ обычный срокъ кончаетъ,
Но мой обѣтъ еще не исполнилъ.
Когда нибудь исполнится же онъ,
Пора, пора совсѣмъ остепениться —
Я къ той землѣ хочу перекочеваться.

СХХ.

Здѣсь муза вольность адѣлаетъ. Уны!
Читатель мой, не нужно мнѣ пугаться.
На вольность поэтическую мнѣ
Ей дайте разрѣшенье. Можеть статься,
Я растяну немного софистства,
Аристотель проситъ да атея разъ
И у него прошу: а дозволенъ,
Что дѣлаю я свое отступленье.

СХХІ.

Вотъ я о чемъ читателя прошу:
 Пусть, —продолжая чтеніе романа,
 Въ которомъ я для публики пишу
 О разныхъ похожденияхъ Донъ-Жуана, —
 Пусть думаетъ, что съ роковаго дня
 (Іюнь, число шестое, у меня)
 Прошло не мало мѣсяцевъ... положимъ,
 Мы съ ноября начать романъ нашъ можемъ.

СХХІІ.

Но рано говорить объ этомъ намъ...
 Приятно въ ночь подъ яркимъ луннымъ блескомъ
 Слѣдить за гондольеромъ по волнамъ:
 Его напѣвъ сливается съ ихъ плескомъ.
 За свѣтомъ звѣздъ приятно намъ слѣдить
 И вѣтерокъ ласкающій лонить,
 За радугой слѣдить на небѣ юга,
 Глазамъ открытой въ водѣ полукруга.

СХХІІІ.

Приятенъ лай недремлющаго пса,
 Который насъ близъ дома дожидаетъ;
 Приятно знать, что есть одинъ глаза
 И въ тѣхъ глазахъ любовь для насъ сверкаетъ.
 Приятенъ птиць веселый, звонкій хоръ.
 И пѣнье дѣвъ, и моря разговоръ,
 И водопада бѣгущаго ропотъ,
 И милаго ребенка первая улыбка.

СХХІV.

Приятно намъ смотрѣть на виноградъ,
 Когда виситъ онъ свѣдлый и румяный,

Пріятно намъ покинуть пыльный градъ
И прогуляться сельскою поляной.
Видъ золота пріятенъ для скупца,
Крикъ перваго младенца — для отца,
Для жонъ пріятны мщенье и капризы,
Ворамъ — грабежъ, а морякамъ — ихъ призы.

СХХV.

Пріятно ждаты наслѣдства иногда
И смерти дяди стараго или тетки,
Изъ-за которой многіе года
Мы съ стариками очень были кротки,
Но въ тайнѣ размышляли лишь о томъ —
Скорѣй войти хозяиномъ въ ихъ домъ.
Кругомъ жида ихъ смерти ожидаютъ
И векселемъ наслѣдниковъ пугаютъ.

СХХVI.

Пріятно лавры въ мѣрѣ заслужить,
Пріятно послѣ ссоры помириться,
А иногда пріятно рассердить
Своихъ друзей и съ ними побраниться.
Вино въ бутылкахъ мило, въ бочкахъ — оль;
Спасать пріятно слабыхъ, и ужель
Мы школьную скамейку позабыли,
Гдѣ мудростямъ различнымъ насъ учили?

СХХVII.

Прекрасно все, но первыи страсти пылъ
Всего прекраснѣй въ мѣрѣ, безъ сомнѣнья.
Припоминать, я думаю, любилъ
И самъ Адамъ свое грѣхопаденъе.
Когда вкусили мы запретный плодъ,
Насъ тайна жизни больше не влечетъ:

Нантъ первый грѣхъ — есть Прометей чудесный,
Похитившій давно огонь небесный.

СХХVIII.

Да, странное созданье — человекъ,
Способности свои пуская въ дѣло,
Готовъ изобрѣтать оцъ дѣлнй вѣкъ.
И съ выдумкой являться въ мнръ смѣло.
Переживая многіе года,
Охотниковъ отыщемъ мы всегда,
Чтобъ тѣ открытъя наши оцѣняли
И дорогой цѣной ихъ покупали.

СХХIX.

Открытъями наполнены вѣсы.
Они вездѣ, куда я взоръ ни кину:
Одинъ съ искусствомъ дѣласть носы,
Другой придумалъ мнру гильотину.
Мы слышимъ взрывъ конгревовыхъ ракетъ,
И оспу призываетъ намъ ланцетъ:
Врачи, чтобъ люди сдѣлались здоровы,
Болѣзнь къ нимъ призываютъ отъ коровы.

СХХХ.

Отличный хлѣбъ явился у людей,
Отъ гальванизма трупы трепетали.
А филантропы родины своей?
Они голодныхъ фразами спасали.
На фабрикахъ есть машины, свой цотъ
Не проливаетъ болѣе народъ —
И, если оспы нѣтъ у насъ на кожѣ,
То отъ чумы избавимся ны тоже.

СXXXI.

Она къ намъ изъ Америки пришла
 И, слухи есть, туда же возвратится,
 Въ томъ нѣтъ еще большаго очень зла:
 Народъ замѣтно началъ тамъ плодиться,
 Что, наконецъ, пора остановить
 Войной, чумой, — тогда-то, можетъ быть,
 Развитие тамъ пойдетъ не столько туго;
 А мы лишнимъ страшнаго надуга.

СXXXII.

Нашъ мудрый вѣкъ — открытѣями богатъ
 Для блага душъ и... умерщвленья плоти.
 Есть лампа сѣра Дэви, говорятъ,
 Удобная хоть при какой работѣ;
 Къ экватору, до полюсовъ могли
 Достигнуть мы во всѣ концы земли.
 Хоть много жертвъ принесено при этомъ,
 За то мы овладѣли цѣльми свѣтомъ.

СXXXIII.

Такъ, человѣкъ есть диво всей земли
 И съ нимъ ничто не выдержитъ сравненья.
 Но для чего иушину ему могли,
 Что страсть грѣшна, что грѣхъ — есть наслажденье?
 Безъ цѣли мы всегда идемъ впередъ,
 Когда жъ любовь или слава насъ зоветъ —
 Къ нимъ труденъ путь. До цѣли мы доходимъ
 И умираемъ. Чтѣшь потомъ находимъ?

СXXXIV.

И мы и я — не знаю. Потому —
 Покойной ночи! Миѣ же не пора ли

Вернуться къ Донъ-Жуану моему.
 Стоялъ ноябрь, когда вечеръ дни стали,
 Когда верхи высокихъ, дальнихъ горъ
 Надъли снѣжный, зимній свой уборъ,
 Когда волна бушуетъ на просторъ,
 А солнце въ пять часовъ садится въ море.

СXXXV.

Ночь темная, безъ звѣздъ и безъ луны;
 Играетъ вѣтеръ, словно въ угнеленнѣ.
 У очаговъ пылающихъ видны
 Людскія тѣни. Это освѣщенье
 Люблю всегда у яркихъ очаговъ,
 Какъ небеса весны безъ облаковъ;
 Люблю огонь, шампанское, омары
 И ласки женъ, которыя не стары.

СXXXVI.

Глухая полночь. Юлія лежитъ
 И—вѣрно, спать. Вдругъ слышитъ шумъ у двери.
 Подобный шумъ въ гробу разшевелить
 И мертвецовъ.

Дверь заперта, но голосъ слышенъ былъ
 И кто-то въ дверь рукой стучалъ тревожно:
 «Сеньора, — шумъ; скорѣй, скорѣй, мать моя!»

СXXXVII.

«Близка бѣда... Сюда вѣду, мушкетеры...»
 А съ нимъ—толпа... Была не далеко я
 И сторожила зорко, только вотъ...
 Ахъ, Господи, несчастье какое!
 Запритесь крѣпче... Богъ васъ сохрани!...
 Чу! ужь идутъ по лѣстницѣ они...

**И изъ окна теперь прыгнуть бы могъ онъ:
Вѣдь близко до земли изъ вышнихъ оконъ»...**

СXXXVIII.

**Но вотъ и Донъ-Альфонсъ. За нимъ сѣшаютъ
Его друзья; огонь—въ рукахъ прислуги...
Въ толпѣ гостей былъ каждый ужь женатъ,
А потому покой чужой супруги
(Хоть рогъ на лбу не страшная бѣда),
Они прервать готовы безъ стыда
И думаютъ: «одлу мы не накажемъ,
То руки имъ, пожалуй, и ноги развяжемъ».**

СXXXIX.

**Рѣшительно не въ силахъ я понять,
Какъ могъ Альфонсъ дѣйти до подозрѣнья
И, наконецъ, прилично нарушать
Безъ всякаго съ женою объясненья,
Въ глухую ночь ползти и шумѣть и стучѣть,
Врываться къ ней съ толпой гостей и слугъ,
Чтобъ насладиться собственнымъ позоромъ,
Дать пищу сплетнямъ, толкамъ, разговорамъ!...**

СXL.

**А Юлія? Вскочивши, какъ отъ сна
(О снѣ ея я не сказалъ ни слова), —
Зѣвнула и — заплакала она.
Ея служанка, — было ей не ново
Такое дѣло, — опытной рукой
Дала тотчасъ постели видъ такой,
Какъ будто бы онѣ вдвоемъ лежали
И обѣ на постели этой спали.**

CXLI.

Ну, словомъ, показались бы онѣ
 Невинными бѣдняжками, которымъ
 Являлись привидѣнія во снѣ,
 Которымъ тѣнь—ночнымъ казалась воровъ,
 А потому, чтобъ страхъ свой превозмочь,
 Онѣ вдвоемъ лежали въ эту ночь
 И ждали, чтобъ очнуться отъ испуга,
 Прихода запоздавшего супруга.

CXLII.

Вотъ, наконецъ, жена въ себя пришла:
 «Альфонсъ! во имя неба, что вамъ надо?
 О, извергъ—вы! Я лучше бъ умерла,
 Чѣмъ стыдъ такой... Откуда вы? изъ ада?
 Съ населиемъ зачѣмъ сюда вошли?
 Или пьяны вы, или вы съ ума сошли?
 Какъ ваше подозрѣнiе прорѣшило!...
 Ищите же кругомъ!...»—О, несправдливо!—

CXLIИ.

И поиски ихъ были велики.
 Осмотрѣны всѣ шкапы, одѣжа, щели,
 Гребенки, щетки, туфли и чулки,
 Бѣлье и кружева, — все осмотрѣли,
 Все, чѣмъ богатъ изящный туалетъ
 У женщины еще не старыхъ лѣтъ.
 Концомъ мечей рвались обоѣ сторы
 И по стѣнамъ висѣвшiе уборы.

CXLIV.

Искали подъ кроватью, — тамъ нашли —
 Нашли не то, чего они искали.

Раскрыли окна саванъ, въ глаза
 За слѣдомъ ногъ коварно наблюдали
 И — были всѣ поставлены въ тупикъ,
 Межъ тѣмъ, — того никакъ я не постигъ —
 Искали подъ кроватью, въ самомъ дѣлѣ,
 А на кровать совсѣмъ не поглядѣли!..

СХЕУ.

А Юлія все время не молчитъ.
 «Ищите же, ищите, оскорбляйте
 И новыя обиды, новой стыдъ
 Къ стыду, къ обидѣмъ прежнимъ прибавляйте!..
 Вотъ для чего терѣла столько я!
 Вотъ до чего дошла судьба моя!..
 Пусть онъ беретъ теорю другую въ жопы:
 Въ Испаніи найдутся же законы!..

СХЕУУ.

«Да, Донъ-Альфонсъ, я вамъ ужь не жена,
 Вы—мнѣ не мужъ: нейдетъ къ вамъ яма это.
 Вамъ столько лѣтъ, у насъ есть сѣдина...
 Разумно ли, скажите, въ ваши лѣта
 Честь женщины невинной оскорблять
 И такъ безумно, дерзко обвинять?..
 Преступникъ, варваръ, мужъ неблагодарный!..
 Я не прощу поступокъ вашъ коварный!..

СХЕУП.

«И мой супругъ мой такой не радъ!..
 Духовника всѣмъ идутъ на злодаго:
 Мой исповѣдникъ старъ и глуховатъ,
 Но я себя наладрила другою:
 Незвиностью моею пораженъ,
 Мнѣ долго не хотѣлъ повѣрить онъ,
 Т. СѢ. Отд. I.

Что я — замужняя... Мне страданья,
Въ немъ вызоветь нестерпимыя.

СКLVIII.

«За тѣмъ ли я всегда была горда
И съ молодежью дня не раздѣляла,
И изъ дому лишь только иногда
На бой быковъ или въ церковь выходила?
Поклонниковъ не я ли прогнала
И съ ними холодна была была?
Не говорилъ ли графъ О'Резанъ милому,
Что съ вами я обращалась очень справедливо?»

СКLIX.

«А не напрасно ль ныль передо мной
Маэстро изъ Италии—Копцани?
Не звалъ ли добродѣтельной женой
Меня предъ цѣлымъ свѣтомъ Корниани?
А сколько русскихъ, англійскихъ адмираловъ
Сводила я съ ума? А отчего жь
Ирландскій перъ къ вамъ прибѣгнулъ въ горахъ
И умеръ отъ горячки бѣдой вскоре?»

СЛ.

«А герцогъ Эйкеръ, Донъ-Фернандъ Нунесъ,
Вы помните, у ногъ моихъ лежали?
И вы теперь, сюда, какъ трава небесъ,
Для оскорбленья женщины упали!..
Ну, чтожь, — пора: жиду навязывать!
Зачѣмъ же вамъ не кстать срамить себя?
О, храбрый рыцарь съ милой обманщицей,
Какъ грозны вы предъ женщиной суровицей!»

~~ДОМЪ-АЛЬФОНСЪ~~

СЦЕНА ПЕРВАЯ
 СЦЕНА
 СЦЕНА

«Внезапный вашъ отъездъ я поняла!
 Вѣдь съ вами вмѣстѣ стряпчій отправлялся,
 Который здѣсь, изъ темнаго угла,
 Досадуетъ, что въ дуракахъ остался.
 Его я презираю, какъ и васъ,
 Но гаже онъ еще на этотъ разъ:
 Въ немъ нѣтъ любви, тутъ цѣль совсѣмъ другая —
 Ему нужна лишь плата дорогая.»

СЦЕНА

«Не хотите ли актъ составлять?
 Пожалуйста, готова ждать теперь я...
 Вы въ комнатѣ успѣли все собрать —
 Готовы здѣсь чернила вамъ и перья.
 Точнѣе все пишете, такъ и быть,
 Чтобъ хоть не даромъ плату получить,
 Но, видите, раздѣты мы, безъ платья —
 Шпионовъ всѣхъ пока прошу прогнать!»

СЦЕНА

«Ищите же, поставивъ все вверхъ дномъ:
 Вотъ туалетъ, софа, — не пропустите
 Вольтеровскаго кресла: даже въ немъ
 Любовника получше поищите!
 Но такъ какъ я хочу ужасно спать —
 Прошу мнѣ суматохой не мѣшать;
 Ищите же и — мнѣ не откажите —
 Находку вашу послѣ покажите.»

СЦЕНА

«Но, Донъ-Альфонсъ, рѣшившись оскорблять
 Свою жену нелѣпнымъ подозрѣньемъ,

Прошу васъ быть любезнымъ и сказать:
 Кого искать пришли вы съ озлобленьемъ?
 Кто онъ такой? Красивъ, высокъ, уменъ?
 Высокаго происхожденя онъ?
 О, помните, что отдачу я скоро
 За честь свою, за часъ одинъ повора...

CLV.

«Иль онъ старѣй пятидесяти лѣтъ?
 О, если такъ, его не убивайте:
 Видь ревность не для вашихъ раннихъ лѣтъ...
 (Антонія! стаканъ воды подайте...)
 Мнѣ стыдно слезы эти проливать...
 Ты, мать моя!.. Ахъ, еслибъ знала мать,
 Что я жена чудовища, злодѣя!..
 Мужей такихъ не видѣла нигдѣ я...

CLVI.

«Ревнуйте же къ Антоніи меня:
 Извѣстно вамъ — мы съ нею вмѣстѣ спали,
 Когда вы съ шайкой, шпагами звеня,
 Сюда, какъ сумасшедшій приѣхали!
 Надѣюсь я, въ другой разъ, какъ теперь,
 Не станете ломаться въ эту дверь
 И мнѣ дадите время нарядиться,
 Чтобъ предъ почетнымъ обществомъ явиться!

CLVII.

«Теперь, сеньоръ, должна я замолчать.
 Не слышать вамъ упрековъ и роптанья.
 Службу я безъ ропота страдать
 И никому не высказать страданья...
 Поймете послѣ вы—какой виной
 Себя вы запятнали предъ женой...

Нѣтъ, лучше вы минуты той не знайте...
(Мой носовой платокъ скорѣй подайте!)

CLVIII.

И тутъ въ подушки кинулась она,
Въ глазахъ сквозь слезы молнии сверкали
И локономъ лица отгнана;
По бѣлой груди косы упали,
Но сквозь кудрей сверкала нагота...
Полураскрыты нѣжныя уста,
Въ чертахъ лица испугъ и утомленье
И слышно сердца каждое бѣенье.

CLIX.

Альфонсъ стоитъ и самъ себѣ не радъ.
Антонія по комнатѣ шагала
И, вадернувъ къ верху носикъ, грозный взглядъ
На господина съ свитою бросала.
Незловко всѣмъ, — лишь страпчій не робѣлъ:
Предвидѣть пользу въ ссорахъ онъ умѣлъ
И, относись безадушно къ прочимъ фактамъ,
Пристрастенъ былъ къ однимъ судебнымъ актамъ.

CLX.

Раздвигши носдри, зорко онъ слѣдилъ,
Какъ передъ нимъ ходила камеристка;
Онъ репутацій женскихъ не цѣнилъ
И всѣхъ ихъ ставилъ очень, очень низко.
Онъ о процессахъ только хлопоталъ
И женской красоты не понималъ;
Онъ отрицанью женскому не вѣрилъ
И истину судейскимъ глазомъ мѣрилъ.

CLXI.

Альфонса видъ по правдѣ былъ смѣшонъ.
 Съ женою поступивши такъ бѣдно
 И спальню осматрѣвъ со всѣхъ сторонъ,
 Что онъ узналъ? Альфонсу стало стыдно.
 Онъ мрачно слушаетъ жалобы жены.
 Онъ, какъ дождь, спадавшій съ вышнихъ,
 На голову виновную летѣлъ
 И только зло въ немъ возбуждалъ умѣлъ.

CLXII.

Онъ извиняться было начиналъ —
 Ему рыданьемъ долгимъ отглаголи,
 Истерикой... Когда-то, я слыкалъ,
 Въ истерику всѣ женщины впадаютъ,
 Но разница въ болѣзни этой въ томъ:
 У каждой дамы — собственный симптомъ.
 Альфонсъ постигъ свой промахъ, растерялся
 И запасясь терпѣніемъ старался.

CLXIII.

Онъ начиналъ ужь что-то бормотать,
 Но камеристка разомъ перервала:
 «Теперь, сеньоръ, прошу васъ замолчать.
 Ступайте вонъ: сеньоръ дурно стало,
 Она умереть, пожалуй», и супругъ
 Проклятьемъ раздражается и вдругъ,
 Безъ всякаго съ женою разговора,
 Послушался и вышелъ очень скоро.

CLXIV.

И вся толпа за нимъ же вслѣдъ ушла.
 Лишь только стряпчій вышелъ вонъ послѣдній,

Пока служанка дверь не задерла:
 И онъ двинулся, думая въ передней,
 Что Донъ-Альфонсъ двухъ фактовъ не имѣлъ —
 Чтобъ приступить къ разбору этихъ дѣлъ,
 Вся сцена глупо кончилась и задорно, —
 Но дверь была захлопнута проворно.

СЛXV.

Дверь заперта. — О, ужасъ, грѣхъ и срамъ!
 Какъ можете вы дѣлать вещи эти
 И сохранять солидность строгихъ дамъ?
 Иль слѣпы всѣ теперь на бѣломъ свѣтѣ?
 Иль ваша честь не дорога для васъ?...
 И такъ скажу, чтобъ продолжать рассказъ,
 Вдругъ Донъ-Жуанъ (задръ ужасъ мой такъ кстати)
 Приводнялся съ одышкой на кровати.

СЛXVI.

Онъ спрятанъ былъ, — не знаю, какъ и гдѣ. —
 Мы въ юности умѣемъ извиваться,
 Чтобъ уголокъ найти себѣ вездѣ
 И въ маленькомъ мѣстечкѣ помѣщаться.
 Когда бъ онъ задохнулся — не бѣда!
 Такая смерть пріятнѣе всегда,
 Чѣмъ смерть Кларанса: разъ, чудакомъ, напился
 И въ виновой бочкѣ мигомъ утопился.

СЛXVII.

Онъ страшнаго грѣха не совершилъ,
 Для юноши то было бъ слишкомъ рано
 И запрещенный грѣхъ не соблазнилъ
 Прекраснаго и юнаго Жуана,
 Нѣтъ, въ юности насъ совѣсть не грызеть,
 Когда же старость дряхлая придетъ,

Тогда грѣхи мы старые считаемъ
И искушенья бѣса постигаемъ.

СЛXVIII.

Еврейское преданье говоритъ:
Врачи царя столѣтняго лечили,
Въ которомъ кровь едва-едва бѣжить,
И какъ лекарство старцу предложили —
Красавицу: то средство помогло.
Не знаю, какъ у нихъ леченье шло:
Еврейскій царь остался жить для царства,
Жуанъ же чуть не умеръ отъ лекарства.

СЛXIX.

Что дѣлать мнѣ? Альфонсъ опять придетъ,
Когда домой гостей своихъ проводить.
Антонию, какъ въ пытку, что-то жжетъ,
А въ голову все средство не приходитъ:
Какъ съ новою бѣдою быть опять?...
Межъ тѣмъ, ужь скоро станетъ разсвѣтать...
Что жь дѣлать мнѣ? Но Юлія молчала
И къ сердцу Донъ-Жуана прижимала.

СЛXX.

Слились ихъ губы. Юноши рука
Разбросанныя кудри собирала...
Да, ихъ любовь была такъ велика,
Что про опасность даже забывала.
Антоніи наскучило ихъ ждать...
«Идемте же! дурачиться опять
Не время вамъ... нѣтъ, я безъ разговора
Запру въ чуланчикъ этого сеньора.

CLXXI.

«Ахъ, перестаньте глупости твердить!...
 Ктобъ угадалъ, что грѣхъ такой случится!...
 Что будетъ съ нами? Какъ теперь мнѣ быть?...
 Самъ чортъ въ мальчишкѣ этомъ поселился...
 До шутокъ ли теперь? Какой тутъ смѣхъ?
 Вѣдь можетъ кровью кончиться вашъ грѣхъ.
 Васъ — умертвятъ, а мнѣ откажутъ въ мѣстѣ,
 Сеньора же... не одобровать всѣмъ вѣстѣ.

CLXXII.

«И хоть бы былъ мужчина армянскій лѣтъ
 (Идите же скорѣй!), а то — ушора! —
 Дитя смазливое, дѣтское!... Нѣтъ,
 Дивлюсь я вкусу вашему, сеньора.
 (Входите же, вѣдь Донъ-Альфонсъ сейчасъ
 Придетъ назадъ)... Вотъ такъ, сюда... за васъ
 Я не боюсь... до утра потерпите,
 Но, Донъ-Жуанъ, смотрите — не засните!»

CLXXIII.

Пришелъ Альфонсъ и стихла болтовня.
 Антонія все въ спальнѣ оставалась,
 Но по приказу, голову склоня,
 Уйти не торопливо собиралась.
 Что жъ дѣлать ей? Въ ту бѣдственную ночь
 Ей Юлія ни чѣмъ нельзя помочь, —
 Антонія немного покоилась,
 Связла нагаръ съ свѣчей и удалилась.

CLXXIV.

Альфонсъ молчалъ, потомъ заговорилъ,
 Нельзя начиная оправдаться,

Что онъ ужасно глупо поступилъ
 И что ему за это нѣтъ назиданья,
 Что, наконецъ, причины были, но...
 Онъ тутъ заговорилъ весьма темно,
 Давая тѣмъ образчики превосходной
 Реторики надутой и негодной.

СЛХХУ.

Жена молчать, хотъ былъ готовъ отвѣтъ,
 Который осадилъ бы мужа съ разу.
 Вѣдь женщина — хотъ въ словѣ правды нѣтъ —
 Умѣетъ кстати бросить думу фразу,
 Чтобъ тотъ умолкъ иль хотъ понизилъ тонъ,
 И если упрекать рѣшится она
 Въ одной нитригѣ, — по мигнувшимъ клещамъ
 Стыдитъ его за три нитриги разговора.

СЛХХVI.

И Юлія, дѣйствительно, могла
 Ему отвѣтить фразой хладнокровной:
 Съ Инесой связь извѣстна ей была,
 Но, иль себя почувствовавъ виновной, —
 Хотя на свѣтѣ рѣдкая жена
 Сознается, что есть за ней вина, —
 Иль просто Донъ-Жуана пожалѣла,
 Она заговорить не захотѣла.

СЛХХVII.

Была еще причина ей молчать:
 Альфонсъ не ревновалъ къ ней Донъ-Жуана,
 Хотя привыкъ ко многимъ ревновать,
 И былъ бы радъ, хотъ поздно или рано,
 Узнать того, кто въ заветѣ жила,
 А потому — подумала она

Что, вѣроятно, послѣ разговора
О матери — дойдешь до сына скоро.

CLXXVIII.

Молчать — порой предписывается намъ,
(Какая пошлость въ этомъ модномъ слогѣ!)
Намекъ одинъ — и уяснится фактъ,
Молчаніе насъ держать наготовѣ
И женщина должна уметь молчать
И главнаго вопроса набѣгать.
Прелестныя созданья агутъ такъ мило, —
Ложь красотѣ ихъ, право, не вредна.

CLXXIX.

Начнуть краснѣть — мы вѣрнѣе краскѣ шлѣ, —
Я самъ такъ поступалъ всегда любезно, —
Но возражать потокамъ словъ живыхъ,
По моему, ужь вовсе безцѣленно.
Ихъ краснорѣчье владѣти прерывать,
Потомъ слезой сверкнуть ихъ томный взглядъ.
Потомъ — нашъ здравый смыслъ совѣтъ не нуженъ —
И мы садимся весело за ужинъ.

CLXXX.

Мужъ извиненьемъ фразу заключилъ.
Тутъ Юлія условия предложила,
Но уговоръ жестокъ для мужа былъ,
Хоть въ пустякахъ она не уступила.
Онъ, какъ Адамъ, предъ входомъ въ рай стоялъ
И уступить супругу умѣялъ,
Какъ вдругъ, — онъ удивился чрезвычайно, —
О башмакѣ споткнулся онъ случайно.

СЛXXXI.

Что жь, башмаки, — бѣда не велика,
 Когда они съ прелестной ножки дамы,
 Но, къ ужасу, мужсккхъ два башмака
 Схватилъ Альфонсъ. О, Господи! когда мы
 Могли такого горя ожидать!..
 Кровь начинается въ жилахъ застывать...
 Альфонсъ покроемъ ихъ полюбовался
 И, наконецъ, въ немъ сильный гнѣвъ прорвался.

СЛXXXII.

Онъ за мечомъ изъ спальни убѣжалъ
 И Юлія воскликнула съ прелегой:
 «Бѣги, Жуанъ, — онъ все теперь узналъ...
 Дверь открыта, знакомая дорожкой
 Иди, — вотъ камочъ огъ сада, — о, бѣги!..
 Я слышу торопливые шаги...
 Скорѣй, Жуанъ, ночь темная, невесела.
 И убѣжать ты можешь, бѣришьшаю

СЛXXXIII.

Совѣтъ хорошъ, но поздно данъ совѣтъ
 И опытъ въ этомъ случаѣ не десель.
 Кто пожилъ и узналъ немножко свѣтъ,
 Тотъ опытность такую вѣрно взвѣсидъ.
 Жуанъ не медлилъ, тотчасъ побѣжалъ,
 Но предъ собой Альфонса увидалъ.
 Онъ заревѣлъ, Жуаномъ сбитый на полъ,
 И встать спѣша, ногтями полъ царапалъ.

СЛXXXIV.

Свѣча погасла. Свалка началась.
 Антонія и Юлія кричали,

Но слуги не пришли на этот раз.
Альфонсу силы давно измучены
Ушибленный, избитый больно, онъ
Грозилъ, что будетъ тутъ же отомщенъ.
Жуанъ былъ юнъ, но въ виду превратился
И жертвой быть едва ли согласился.

СЛXXXV.

Альфонса мечъ упалъ на обнаженъ
И бой открылся битвой рукопашной.
Жуанъ неукротимъ былъ, раздраженъ...
Когда въ Альфонса юнецъ бесстрашный
Могъ въ темнотѣ рукою охватить,
Тогда въ ему пришлось не долго жить.
О, женщины! въ жнѣ души молитесь
И вдовами остаться берегитесь!..

СЛXXXVI.

Альфонсъ Жуана думалъ удерживъ,
А Донъ-Жуанъ думалъ его тамъ сбить
(Желая поскорѣе убить),
Что кровь изъ носу хлынула обильно.
Въ его рукахъ оставивъ платья клочъ,
Жуанъ, однимъ ударомъ сильнымъ могъ
Ошеломить врага и, платье бросивъ,
Бѣжалъ къ калиткѣ сада, какъ Иосифъ.

СЛXXXVII.

Вотъ факелы и свѣчи принесли.
Глядятъ кругомъ, вѣхо безшерстны!
Альфонса полумертвого нашли.
Безъ чувствъ — слушавшя, Юлиа въ припадкѣ...
Клочки одеждъ лежали тамъ и слезъ
И капли крови видны по плитамъ...

Жуанъ—въ саду, пашинку отпахаетъ,
Вновь заперъ входъ и быстро уйдетъ.

СЛХХVІІІ.

Пѣснь кончена. Къ чему писать о томъ,
Какъ ночью Донъ-Жуанъ переодѣтый,
Украдкою къ себѣ вернулся въ домъ,
И какъ, потомъ, о ночи странной этой
Весь городъ двѣ недѣли толковалъ,
Какъ занялъ всѣхъ великій тотъ скандалъ,
Какъ о разводѣ долго хлопотали,—
Но это все въ газеткахъ описали.

СЛХХХІІІ.

И кто вѣрный желалъ бы дѣло знать,
Допросы, обвиненья, показанья,
И рѣчи адвокатовъ прочитаетъ—
Ссылаюсь я на многія изданья.
Хоть иногда статья была о немъ,
За то въ нихъ много ошѣки и острогъ.
Статью Гёрни для опыта прочтите:
Онъ даже жилъ посему въ Мадридѣ.

СХС.

А что жь Инеса? Чтобъ скорѣи замать
Однѣ изъ тѣхъ классическихъ скандаловъ,
Которыхъ можно мало насчитать
Съ эпохи отступленія Вандаловъ,—
Она молилась нѣсколько ночей,
Передъ Мадонной много играла свѣчей,
Потомъ старухъ къ совѣту собирала
И Донъ-Жуана въ Кадиксъ отговала,

Чтобъ страствуя по воли Веронѣ, ея
 Исворщенную нравственность поправилъ
 И набрался въ пути со всѣхъ сторонъ—
 Въ Парижѣ или Римѣ—новыхъ правилъ.
 А Юлія въ монастырѣ жила,
 Страдала, но ея тоска была
 (Чувствъ Юліи высказывать не стану)
 Передана въ письмѣ ея къ Жуану:

СХСІІ.

«Вы ждете. Теперь все рѣшено...
 Пусть будетъ такъ, хотя бы я страдала:
 Миѣ правъ надъ сердцемъ вашимъ не дано,
 Меня въ грядущемъ счастье не ждало.
 Любить, любить! вотъ все, что я могла,
 Вотъ все, что я отъ жизни добрела!...
 Вы ждете слезъ въ письмѣ моемъ, не такъ-ли?
 Не ждите ихъ—они давно посланы.

СХСІІІ.

«Я васъ люблю, люблю до этихъ поръ,
 Сносилъ гоненье свѣта и презрѣнье,
 Но не тяжелъ миѣ собственный позоръ
 И прошлому я шлю благословенье.
 Безъ похвалыбы я сознаюсь въ винѣ,
 Моя вина давно извѣстна мнѣ,
 И я пишу невольно эти строки:
 Не нужны миѣ ни ласки, ни упреки.

СХСІV.

«Любовь мужчины—вратникъ эпизода,
 А женщина—всѣ отдается страсти.

Вамъ лавры вьютъ, насъ слава въ мiръ ждётъ,
 Трудъ, нечести нль упоенье власти.
 Вы, честолюбцы, боретесь съ судьбой,
 Мечь воинна уноситъ насъ къ бой.
 Повсюду жизнь, вездѣ къ дѣлу призыванье,
 А женщина лишь любить и страдать.

СХСХ.

«Да, ваша жизнь въ веселiи поблжнеть,
 Любя другихъ, вы будете любимы,
 А я?—всему конецъ, печаль моя и стыдъ
 На днѣ души останутся драмы:
 Ихъ я снесу, но власть мнѣ не дана
 Забыть любовь, которая сильна...
 Прощайте же! Любя снеситъ не смѣю,
 Но умолчать о ней не въ силахъ, не умѣю...»

СХСХV.

«Въ разбитомъ сердцѣ славы больше нѣтъ,
 Но все жь могу очнуться я отъ гора.
 Играетъ кровь игрой минувшихъ лѣтъ,
 Какъ будто послѣ бурн'волны моря.
 Я—женщина. Забвенье насъ бѣжитъ,
 Насъ милый образъ всюду сторожить,
 Любовь живетъ, хотя глубоко скрыта:
 Такъ къ полюсу бѣжитъ стрѣла магнита.»

СХСХVІІ.

«Я кончила, но все не тороплюсь
 Сложить письма. Но что-жъ меня тревожить?
 Нѣтъ, смѣлости своей не устращусь,
 Еще сильнѣй несчастья быть не можетъ.
 Я-бъ отъ страданья вѣрно умерла.
 Но только смерть на зодѣ ко мнѣ не пала.»

И мнѣ осталось съ жизнью помириться,
Чтобъ васъ любить и чтобъ за васъ молиться».

CXCVIII.

На томъ письмѣ обрѣтъ былъ золотой.
Блестали строчки, словно на атласѣ...
Ея рука дрожала надъ свѣчой,
Такъ какъ стрѣла магнитная въ кончасѣ.
Вотъ и печать предложена къ ленту,
На ней левизъ: Elle vous suit partout.
Рѣзцомъ доводило опытный и смѣлый
Онъ вырѣзанъ на сердолитѣ блонъ.

CXCIX.

Такъ шли Жуана первые года.
О немъ писать ли далѣе? На это
Мнѣ публика отвѣтитъ и тогда
Соображать я буду изъ отвѣта.
Ея вниманье—лавры для чела,
Капризъ ея—не дѣлать много зла,
Когда жъ она сочувствіемъ мнѣ предложитъ,
И продолжать романъ начну, быть можетъ.

CC.

Эпическимъ романъ я назову.
Въ немъ будутъ любопытныя сказанья
Любви и войны, войдетъ въ одну главу
Картина ада,—будетъ описанье
Морскихъ крушеній, гибель кораблей,
Характеры различныхъ королей,—
Приблизусь я по стилю и размѣру
Къ Виргилію иль къ самому Гомеру.

ССІ.

Чтобъ шелъ мой трудъ успѣшно до конца—
 Аристотеля правила пошлугуъ.
 Они равно поэта и глупца
 Производить на этомъ свѣтѣ могутъ.
 Мнѣ—милы рѣмы, многимъ бѣлый свѣтъ...
 Скажу еще, что для стиховъ ганихъ
 Фантазія дарила мнѣ картины,
 А мнѣны—превосходныя машины.

ССІІ.

При томъ же, какъ эпическій пѣвецъ,
 Не сходенъ я съ поэтами другими
 (Не потому, что заслужилъ вѣнецъ)
 Одно несходство есть межъ мной и ими:
 Сюжеты ихъ украшены всегда,
 Такъ что понять нельзя ихъ безъ труда,
 А у меня—ужь въ этомъ я увѣренъ—
 Разказъ вездѣ бываетъ достовѣренъ.

ССІІІ.

Для точности могу я указать
 На лѣтопись, народныя преданья,
 На оперы, на драмы актовъ въ пять
 И, наконецъ, на разныя изданья.
 Всѣ подтвердятъ правдивый мой разказъ.
 Еще скажу, чтобы увѣрить васъ,
 Въ Севильѣ при другихъ и предо мною
 Герой мой былъ похищенъ сатаною.

ССІV.

Когда пибудь я къ прозѣ снизойду
 И вамъ тогда, по плану Алкорана,

Рядъ изреченій мудрыхъ приведу,
 Всѣхъ избавляя въ жизни отъ обмана.
 Я въ изреченьяхъ очень былъ бы строгъ
 И озаглавить книгу эту могъ:
 «Аристоделъ живетъ въ любви поэтъ»
 И... есть еще названье на прилѣтъ.

CCV.

Мальтона, Пэна мы тогда поймемъ,
 И Саути, Кольриджа не осудимъ,
 (Послѣдній палецъ, по ушоячимъ о томъ)
 Затѣмъ всегда цѣнить достойно будемъ
 Все, что писалъ нашъ даровитый Краббъ,
 Поймемъ, что Кэмбелъ — очень вялъ и слабъ,
 Не украдемъ у Роджерса... хоть малость,
 И не затѣмъ съ музой Мура шалость.

CCVI.

Отъ музы Сотебоя далеки,
 Не овладѣемъ ей неосторожно
 И, наконецъ, какъ «сѣнне чулки»,
 Не станемъ мы свидѣтельствовать ложно.
 Ну, словомъ, всѣ должны лишь то писать,
 На что могу я позволенье дать —
 И всѣмъ, которые нарушать послушанье,
 Жестокое готовлю наказанье.

CCVII.

Когда рѣшится кто нибудь сказать,
 Что мой рассказъ безправственъ, безъ морали,
 Прошу того не тотчасъ обещать.
 Пусть вновь онъ перечесть его (едва ли!)
 И дастъ тогда рѣшительный отвѣтъ —
 Безправственъ ли рассказъ мой, или нѣтъ?

Впослѣдствіи я въ этомъ оправдаюсь,
И зло людей разславить постараюсь.

ССУШ.

Но если и теперь начнетъ толпа,
Не выслушавъ такого объясненья,
Негодовать, безушна и слѣпа,
И приходитъ въ тупое раздраженье
И назоветъ безнравственнымъ мой трудъ,
Отвѣчу я, что эти люди лгутъ,
А критикамъ, приставленнымъ къ роману,
И отвѣчать-то даже я не стану.

ССІХ.

Пусть публика мнѣ броситъ добрый взглядъ.
Я не рожденъ писателемъ развратнымъ
И — клятву дамъ, пожалуй — только радъ
Соединять полезное съ пріятнымъ.
Притомъ же — здѣсь замѣчу для конца —
Гоняюсь я за славою пѣвца.
О, публика! не измѣняй же мнѣ ты:
Я подкушилъ издателя газеты.

ССХ.

Да, я послалъ письмо мое къ нему,
Какъ слѣдуетъ, съ приличнымъ приложеньемъ,
Онъ отвѣчалъ и, видно по письму,
Что не замедлитъ даннымъ порученьемъ.
Но если онъ солжетъ на этотъ разъ
И съ желчью разругаетъ мой рассказъ,
Тогда... о, что тогда скажу въ печати?
Я деньги далъ и всѣ они пропали.

ССХІ.

Но я надѣюсь очень на журналъ:
 Онъ публлку любить меня заставить.
 Другіе пусть ругаютъ на повалъ —
 Меня газетный говоръ позабавитъ.
 Я не писалъ статей своихъ для нихъ,
 А всѣ изданья авторовъ чужихъ
 Не признаютъ, бездарными считаютъ
 И бранью очень крупною встрѣчаютъ.

ССХІІ.

«Того бѣ не снесъ я въ дни цвѣтущихъ лѣтъ» (*),
 Мнѣ въ умъ пришла Горація цитата!
 Лѣтъ шесть назадъ я былъ иной поэтъ,
 Еще влюбленный въ музу — и тогда-то
 Журнальный крикъ меня бы раздражалъ,
 Я на ударъ журнальный отвѣчалъ,
 Охваченный досадою, какъ пожаромъ,
 Стремительнымъ, убійственнымъ ударомъ.

ССХІІІ.

Но въ тридцать лѣтъ я ужь почти старикъ,
 Почти сѣдой (что будетъ — послѣ, въ сорокъ?
 Я завести подумывалъ парикъ),
 Теперь одинъ покой мнѣ только дорогъ.
 Увяло лѣто жизни для меня,
 Для боя вѣтъ въ груди моей огня,
 Какъ капиталъ, растроченный, промчалась
 Былая жизнь и сила растерялась.

(*) Горацийъ говоритъ: Non ego hoc ferrem calida juvena Consule Planco, а не переводъ бы этого во цвѣтъ моей юности во время консульства Планка (Od. II, III, 14).

ССХІV.

О, никогда не спустится ко мнѣ
 Росой небесъ сердечная прохлада
 И не слетятъ видѣнья въ тишинѣ,
 Что вновь воскресла юности отрада!
 Мнѣ впечатлѣній прежнихъ не знать:
 Ихъ нѣтъ въ душѣ и намъ не отыскать
 Нигдѣ того, что жило въ насъ, — и нынѣ
 Тамъ силы спятъ, тамъ мрачно, какъ въ пустынѣ.

ССХV.

О, никогда я въ сердце не найду,
 Какъ прежде, міра цѣлаго, вселенной;
 Его ношу безъ пользы и вду
 Безъ радости, безъ скорби неизмѣнной.
 Меня давно оставили мечты,
 А въ сердце ледъ и нѣтъ въ немъ теплоты,
 Но вмѣсто сердца умъ во мнѣ явился
 И въ черепѣ зачѣмъ-то поселился.

ССХVІ.

Любовь прошла. Меня не увлекутъ
 Красавицы — ни жены и ни вдовы
 И красотой съ ума ужъ не сведутъ.
 Пути иные въ жизни мнѣ готовы.
 Въ привязанность не вѣрю я давно,
 Мнѣ докторомъ вино запрещено...
 Чтобъ въ жизнь явиться съ новою отвагой,
 Мнѣ остается, кажется, быть скрягой.

ССХVІІ.

А честолюбье? Идолъ тотъ разбить
 Предъ алтаремъ Блаженства и Страданья

И ихъ печать теперь на мнѣ лежитъ.
 Какъ Бэкона—мечала казавше,
 Изъ бронзы отлитая голова,
 Я повторяю мудрыя слова,
 Что «время есть, и было и промало»...
 Отъ пѣсенъ и любви душа устала.

ССХVІІІ.

Чѣмъ можно славу въ мѣрѣ заслужить?
 Тетрадами исписанной бумаги?
 Придумали съ холмомъ ее сравнить,
 Куда мы лѣземъ голодами и наги.
 И люди пишутъ, бьются, говорятъ
 И барды сладкогласные творятъ
 Затѣмъ, чтобы остаться въ этомъ свѣтѣ
 На книжной полкѣ или въ плохомъ портретѣ.

ССХІХ.

Египта царь—Хеопсъ соорудилъ
 Для дива всѣхъ столѣтій пирамиду
 И мумію свою въ ней схоронилъ.
 И что-жь,—какую вынесъ онъ обиду!
 Пришлецъ его гробницу увидалъ
 И дерзкою рукою изломалъ...
 Хеопса прахъ развѣянный жалѣя,
 Не будемъ ждать напрасно мавзолея.

ССХХ.

Я, какъ мудрецъ, произношу слова:
 «Все что рождается—послѣ умираетъ
 И тѣло наше гибнетъ, какъ трава»...
 Ты прожилъ жизнь, но если бы—кто знаетъ?—
 Опять ты могъ назадъ ее вернуть—
 Она свершила бы тотъ же самый путь,

А потому за жизнь полись заранѣ,
Да берегай свой кошелекъ въ карманѣ.

ССХХІ.

Теперь же, господа, пора кончать
И, избѣгая фразъ и пустословья,
Въ послѣдній разъ позвольте руку сжать
И пожелать вамъ добраго здоровья.
Когда одинъ другому мы войдемъ,
То встрѣтисся когда нибудь потомъ,
А нѣтъ—тогда, чтобъ не дразнить терпѣнья,
Тѣмъ и закончу длинное творенье.

ССХХІІ.

«Иди, мой трудъ, и въ миръ земныхъ тревогъ
«Пусть волны унесутъ страницы эти...
«Когда тобой я вдохновляться могъ,
«То много лѣтъ ты будешь жить на свѣтѣ».
Стихъ Саути всѣ могутъ же читать,
Могу и я о славѣ пометтать...
Четыре жь первыхъ строчки... Строчки эти
У Саути я взялъ въ одномъ куплетѣ.

ДМИТРІЙ МИНДЕВЪ.

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ СѢ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

==
1865